

Школа № 3

1976 - 1986



Здание школы №3 выстроенное в 1929 году имеет революционные очертания знаменитого советского конструктивизма. Школа стоит, спрятанная за березовой рощей, которой в 30-е годы еще не было, а появилась роща стараниями учителей и учеников школы уже в послевоенное время. Великолепная во всякое время года березовая роща заполняла пространство между зданием школы и моим «старым домом», которого теперь уже нет. Дом снесли в 1983 году, о чем я уже говорил в своем очерке «Старый дом». Я ходил в школу по широкой асфальтовой дороге вдоль рощи в ненастную погоду, а в хорошие дни с удовольствием пробирался по многочисленным тропкам среди белоснежных березовых стволов. Роща памятна для меня не менее всего остального, что «засело» в сердце волнующим понятием «Детство». В березовой роще я собирал сыроежки на супчик вместе с бабушкой или с родителями, или с друзьями. Весной мы с ребятами ловили майских жуков на обширной поляне посреди рощи, собирали березовый сок, вкус которого я уже основательно подзабыл. Широкая тропа через

рощу вела к стадиону, где мы, мальчишки и девчонки, и зимой и летом проводили много времени. Я вспоминаю сейчас годы, проведенные в «старом доме», на краю березняка, где в удобной близости было все, что наполняет меня до сих пор счастливыми воспоминаниями: дом, школа, роща, стадион. Дальше за стадион мы ходили на «Ключку» купаться летом, а зимой шли на лыжах еще дальше через «Горьковку» на «Барсучки» кататься с горок, прыгать со снежных трамплинов. Живя в городе, я всегда оставался рядом с природой, которая определяла все наши игры и увлечения. Но вернемся в школу. Школа была замечательной. Большое здание из красного кирпича, с прямолинейными оштукатуренными фрагментами фасада с широкой внутренней лестницей вызывала восхищение и уважение. Это был настоящий храм знаний. Я поступил в школу в 1976 году, когда мне было семь с половиной лет. Я еще застал старомодные парты с откидывающимися половинками и скамейками. Помню, что в первом классе нас учили писать чернилами перьями. Я помню перья и чернила еще и потому, что однажды случайно опрокинул полную синих чернил чернильницу прямо на белый фартук своей соседке по парте. В то время ходили в школу обязательно в школьной форме. Во время моей школьной десятилетки форма менялась один раз. До пятого класса мы ходили в «старой» форме. Мальчики в синих брюках и пиджаках с погончиками, а девочки в симпатичных коричневых платьицах с черным или праздничным белым фартуком. У девочек еще были замечательные аксессуары: белые или черные манжеты на рукава и сменные воротнички также белого или черного цвета. А еще носили на петлице значок октябренка, а с пятого класса повязывали вокруг шеи пионерский галстук.

После 5 класса появилась «новая» форма. Пиджаки лишились погончиков. Цвет остался тот же синий. Девочки тоже стали носить костюмы: синие юбки и синие пиджаки.

В старом здании школы среди березовой рощи я проучился только один класс. Во второй класс 1 сентября 1977 года я и мои товарищи пришли в новое здание из стекла и бетона. Новая панельная четырехэтажная школа расположилась в самом

центре микрорайона Истомкино на улице Юбилейной. Школа была по тем временам современной с большими светлыми классами, высоким спортивным залом, актовым залом и широкими коридорами и вестибюлями.

Я помню своих первых учителей. Это Валентина Николаевна, которая вела нас всю начальную школу. Помню учительницу параллельного класса Надежду Евгеньевну, с которой я сталкивался только на продленке. Я редко оставался на продленку, стремился поскорее домой.

Из старших классов в памяти осталось значительно больше и событий и имен. Моими любимыми были гуманитарные предметы: история, география, литература, английский язык, которые мы начали изучать с пятого класса. Историю в школе преподавали два учителя: Диана Афанасьевна и Эльза Валентиновна.

В нашем классе историю вела Диана Афанасьевна Егорова, которая была еще и классным руководителем. Диана Афанасьевна подходила к преподаванию своего предмета с той серьезностью, которая была скорее применима к высшему образованию. Именно такой подход определил на всю жизнь мое серьезное отношение к истории, желание читать на исторические темы, изучать историческую науку. Диана Афанасьевна учила нас думать, анализировать, сопоставлять события и факты, находить правильные ответы, полагаясь не на интуицию в большей степени, а на знания. Этот опыт, заложенный талантливым преподавателем воистину бесценен. Поощряемый и школьным учителем и родителями дома, я много читал книг и по русской истории и по истории зарубежных стран. Каждый урок был для меня возможностью, и узнать много нового и рассказать о прочитанном. Происходил непрерывный процесс обучения, когда классные задания становятся не обузой, а толчком к получению новых знаний.

Как классный руководитель Диана Афанасьевна уделяла нам много времени. Мы часто ездили в различные познавательные поездки: в музеи и театры в Москву, в

Ленинские горки. Традиционными были походы всем классом на природу. В походы ходили и зимой и летом.



Мои родители всегда пекли блины для всех ребят в поход, и это тоже стало традицией. Зимой ходили на лыжах. Уходили довольно далеко от Истомкино, километров за 10-15. Находили большую лужайку посреди лесной чащи, устраивали костер, зачерпнув ведром снег, кипятили чай, жарили шашлыки, играли в снежки. Летом ходили пешком и тоже обязательно с чаем и шашлыками. Во время таких походов Диана Афанасьевна рассказывала нам много интересного и по истории и из жизни. Иногда к нам присоединялись родители. Жаль, что с окончанием школы, кончились и наши классные походы.



На праздники мы собирались в классе, как сейчас говорят, на вечеринки. Девчонки готовили печение или тортики, что-то приносили из дома и устраивали чаепитие. Когда стали постарше устраивали классные дискотеки. Приносили из дома аппаратуру и танцевали до упаду. Диана Афанасьевна всегда была в центре этих мероприятий, но все равно предоставляла нам максимально возможную по тем временам свободу.



В других классах историю вела Эльза Валентиновна, которую школьники звали Гильза Валентиновна за ее немецкое происхождение и суровый нрав. Гильза Валентиновна ходила по школе с металлической указкой, при помощи которой она наводила порядок везде, и в коридорах и в классе. Конечно, доставалось от Гильзы Валентиновны не детям, а крашеным поверхностям парт, но боялись ее указки жутко.

Географию преподавала замечательная добрая женщина Лариса Константиновна. Лариса Константиновна умела выстроить урок так, что каждый ученик с удовольствием включался в процесс изучения Родины, новых стран и континентов. Все без исключения делали доклады про географические открытия, про природу и животный мир разных стран. Помню, что на уроках Ларисы Константиновны всегда было интересно. Класс был оформлен в соответствующем

изучаемому предмету духе. На стенах – карты, портреты первооткрывателей и т.п. Начиная с четвертого или пятого класса, я сильно увлекся географией и сопутствующими ей отраслями науки. Больше всего меня привлекали тогда описания путешествий первооткрывателей и вообще исследователей-первопроходцев. Миклухо-Маклай, Стэнли, Ливингстон, Кук, Нансен, Амундсен стали моими лучшими друзьями на долгие годы. Любимая моя передача на телевидении была «Клуб кинопутешествий» с неизменным ведущим Юрием Сенкевичем и «В мире животных» с Николаем Дроздовым. А какие замечательные фильмы и художественные и документальные показывали в рамках этих программ. Я помню знаменитые фильмы «Лесси» и «Флиппер», французскую многосерийную документальную ленту про покорителей Анапурны и Эвереста. В моей комнате в старом доме все стены были завешаны географическими картами. Наш учитель Лариса Константиновна поощряла увлеченность географией и активное дополнительное чтение. На каждом уроке желающий, а таких было не мало из-за свободной, демократичной обстановки в классе, мог выступить с дополнительным материалом, рассказать что-то интересное по текущей теме. Помню, что в то время среди школьников была в ходу игра, кто быстрее найдет город или страну на карте мира.



Директором школы во время моей учебы была Нина Васильевна Головкина. Это была женщина уже солидного возраста, строгая и справедливая. Ее муж Политов Юрий Васильевич преподавал физику и астрономию. Я не знаю, почему у супругов были разные фамилии, но они казались идеальной учительской парой. В школу приходили раньше всех и всегда шли вместе под ручку. Уходили последними, как настоящие капитаны школьного корабля. У Юрия Васильевича было смешное прозвище – утконос. Я думаю, что появилось оно не только из-за длинного носа физика с широким разлетом ноздрей, но и из-за его необычного голоса, несколько «в нос». Юрий Васильевич всегда ходил в темных брюках и зеленой армейской рубашке при галстукe. Всегда «загорался», когда показывал нам какой-нибудь физический эксперимент. Помню, что положительные оценки четверки или пятерки Юрий Васильевич вырисовывал очень медленно и очень мелко, если различимо в дневнике или в тетрадке, а двойки и тройки рисовал быстро размахисто и «на пол страницы». Вообще-то человек он был добрый и мы его добротой пользовались сполна. В школе ходили анекдоты и разные смешные истории про «Утю» и Нину, как называли директора и ее мужа. Смеялись над их сердечностью друг к другу, которая казалась нам оболтусам, старомодной. Много лет спустя, когда я уже вернулся из Советской армии и даже успел окончить институт, я встретил как-то случайно на городской улице «Утю» и Нину. Юрий Васильевич и Нина Васильевна шли, как и всегда, рядышком под ручку и что-то весело обсуждали. Я поздоровался. Они остановились. Внимательно посмотрели на меня. Узнали. Я уверен, что узнали. Заулыбались, поздоровались в ответ. Теперь уже, скорее всего они ушли навсегда, и хочется верить, что так же вместе под ручку, как и прожили свою не простую, но интересную жизнь.

Химию в третьей школе преподавала Нина Никитична. Нина Никитична начинала урок всегда одной и той же фразой « Вперед за пятерками». Если в классе начиналось волнение, поднимался шепоток или тем более какой-то гул, то Нина Никитична, прервав объяснение, восклицала: «Цыгане шумною

толпой...». Помню, что у нее были любимчики среди учеников, но я как-то в их число не попал. И вообще химия мне тогда давалась плохо. Ближе к старшим классам Нину Никитичну, вышедшую на пенсию, сменила молодая и энергичная Хатина Нина Васильевна, которая взялась решительно за наш «химически» отстающий класс. Любимчиков больше не стало, но зато весь класс стал увереннее решать задачки, появился соревновательный дух и вообще серьезное отношение к предмету. Я уверен, что благодаря приходу в школу Хатиной, я по-настоящему увлекся химией. Родители выписали мне журнал «Химия и жизнь». Я стал с интересом слушать рассуждения на химические темы моего двоюродного брата – студента химико-технологического института. Кроме разговоров по химии, брат рассказывал про институтскую жизнь. В их группе учились несколько ребят из братского Вьетнама, которые успели повоевать с американскими агрессорами.

Учителем русского языка и литературы у нас была Валентина Дмитриевна. Валентина Дмитриевна билась со мной над чистописанием, как никто другой. Она заставляла меня переписывать и переписывать заново мои каракули. И она добилась своего. Я постепенно стал писать понятно не только для себя, но и для других. Валентина Дмитриевна в отличие от многих других наших учителей жила в Истомкино и я часто ее видел во внешкольное время. Как то я решил бегать по утрам и, выбежав на беговую дорожку нашего стадиона, увидал, приближающуюся ко мне, бегущую в трико и вязаной шапочке Валентину Дмитриевну. Несколько раз я с ней сталкивался так во время утренних пробежек, пока не решил бросить это занятия. Леня взяла свое. Мне казалось тогда, да и сейчас тоже, что лучше понежиться минут десять в кровати, чем вставать чуть свет и куда-то бежать.

Литературу в старших классах вела Лидия Викторовна. Так и вижу ее удобно сидящую на стуле у классного окна в накинутой на плечи большой шали. Ее уроки были чем-то удивительным. Лидия Викторовна превращала каждый урок в театральное действие. Благодаря ее таланту литературные персонажи переставали быть чем-то иллюзорным, спрятанным в

глубине книжных страниц. Они оживали. Я не большой знаток русской классики, но то, что я все-таки знаю, я знаю во многом благодаря Лидии Викторовне. Самое важное, я думаю, что она сумела научить нас особому, трепетному отношению к печатному слову, к великой русской классической литературе. Я любил уроки литературы с Лидией Викторовной, наверное, еще и потому, что дома у нас всегда было серьезное отношение к книгам. Мои родители и сами много читали и меня приучали к чтению с раннего детства. Я до сих пор помню восторг, охвативший меня при чтении первой книги. Этот восторг, это первое чувство искренней любви к литературе не забывается.

Алгебру и геометрию вела Лидия Ивановна. Лидия Ивановна прихрамывала на одну ногу. Несмотря на этот внешний недостаток, мы считали ее красивой и тепло к ней относились. Удивительно, наверное, но математику любили все до самого последнего хулигана. Станным образом хулиганы, а их было несколько в нашем классе, становились на время урока тише воды и ниже травы. Я совсем не технарь по натуре, хотя стать технарем мне все-таки пришлось впоследствии, влюбился в математику. Поначалу у меня были даже двойки и проваленные контрольные, но как-то, благодаря терпению Лидии Ивановны я выровнялся и к концу восьмого класса выбился в отличники. Лидия Ивановна умела объяснить самую сложную теорему, разобрать самую сложную задачу или пример так, что становилось все «проще пареной репы». Но главное, она была одинаково доброжелательна ко всем и к первым ученикам и к отстающим. Она не делила ребят по принципу «хороший или плохой», «примерный или хулиган». Лидия Ивановна давала возможность проявить свои самые лучшие качества и только тогда оценивала, по делам и поступкам. К сожалению, я в дальнейшем не встречал такого качества преподавания даже в институте. Я помню одну историю, которую нам рассказывала Лидия Ивановна. История личного характера и то, что она нам это рассказывала, говорит о доверительных, дружеских отношениях между нами. Лидия Ивановна рассказывала, как пришла молодой учительницей, только после института в школу и в нее влюбился десятиклассник. Рассказывала, как ей было

тяжело тогда, тем более что постепенно стала понимать, что и сама влюбилась. Юноша окончил школу, и они поженились. Такая вот трогательная история. Помню, она нас сильно зацепила.

С пятого класса мы начали изучение иностранного языка. Наш класс разделили на две группы и определили к разным учителям. Мне посчастливилось попасть в группу к Брыксиной Наталии Семеновне. Скажу откровенно, если я что-то и могу сказать или понять по-английски, то исключительно благодаря этой замечательной женщине. Наталия Семеновна влюбила нас в себя с первого взгляда. Эффектная, модная, красивая, женственная – она просто таки заморозила нас всех. Каждый ее урок был событием. На каждом уроке мы узнавали что-то новое. Процесс обучения не останавливался ни на минуту. Весь урок мы только и делали, что говорили по-английски. Мы ждали ее урок с тем нетерпением, которое выдавало желание узнавать все больше и больше. Английский язык из не нужного, почти мертвого тогда для нас языка, стал нужным, важным, интересным. Мы переводили не только тексты из учебника, но и тесты песен популярных тогда английских или американских групп. Мы учились не просто правильно ставить слова друг за другом, но ловить смысл целой фразы по ключевым словам. Мы учились думать по-английски. В другой группе дела обстояли совсем иначе. Часто болеющая, в целом неплохая учительница Роза Васильевна преподавала свой предмет по-другому. Я не берусь сравнивать методики и стили преподавания, но приведу лишь один пример. Даже самый ленивый ученик из нашей группы, спустя много лет после школы гордится теми знаниями, от которых он не сумел уклониться благодаря Наталии Семеновне. Никогда больше не утруждая себя повторением курса английского языка этот ленивец, выезжая на курорт за границу, пользуется с успехом тем багажом языковых премудростей, которые вложила в его голову талантливый педагог несколько десятков лет назад. А ребята из противоположной группы не знают ничего. Не могу сказать за всех, но встречая некоторых учеников Розы Васильевны, расспрашивая их, я понимаю, что английский прошел мимо них

стороной. И все-таки не хочу винить Розу Васильевну. Она в то время была совершенно больным человеком. В детстве пережила блокаду Ленинграда и болела сахарным диабетом. Вскоре после нашего выпуска из школы она скончалась.

Когда я впервые побывал за границей, в Лондоне, то по возвращению, я первым делом заглянул домой к моей учительнице Наталии Семеновне. Мне так хотелось поделиться с ней впечатлениями, рассказать и об успехах и о неудачах в общении с носителями языка. Мы тогда долго проговорили, разбирали вместе мои ошибки, радовались моим открытиям в постижении иностранного языка.

С мальчиками уроки физкультуры проводил Бобков Александр Петрович. В прошлом чемпион республики по метанию молота, Александр Петрович внушал уважение с первого взгляда. Нечего и говорить, что физкультура был один из самых любимых предметов в школе. На уроке мы играли во всевозможные игры, соревновались, прыгали и бегали, сдавали спортивные нормы. Я за школьные годы переходил в самые разные спортивные секции: волейбол, хоккей, коньки, лыжи, бокс, дзюдо, настольный теннис. Вообще в детстве мы занимались спортом постоянно в любое время года в любую погоду. Невзирая на метель и мороз мы извивающейся вереницей ползли, пробивая лыжню, за могучей спиной Александра Петровича по снежной целине. Я любил лыжи. В лыжный сезон урок физкультуры был двойной и перед уроком большая перемена. Я успевал прибежать домой, бросить портфель, переодеться в спортивную форму и даже прочитать несколько страниц любимой книжки, отхлебывая горячий чай. Только после этого я выбегал на улицу, вставал на лыжи и на стадион, догонять свой класс, который уже соревновался в беге на дистанции, а Александр Петрович всегда подтянутый с неизменным секундомером, болтающимся на длинном шнурке на шее, засекал время. Петрович, как его называли старшеклассники, смешно произносил шипящие согласные. Он говорил «Душки» и «Шпинёчки», имея в виду детали лыжного крепления, так смешно, как я не могу отобразить в письменной

форме. В нашем классе учился сын Александра Петровича Сергей. К Сергею физрук был особенно пристрастен.

Помню такой характерный для начала 80-х эпизод. В то время пацаны разных городских районов собирались в группы и преследовали ребят из других групп. Часто эти преследования приводили к дракам, иногда с очень серьезными последствиями, так как в драке в ход шло все, что под руку попадет: деревянные колья, железные прутья, а случалось, что и поджиги. Поджига это такой несовершенный тип самодельного огнестрельного оружия. Сколько ребят покалечено было в тех страшных драках. Городские дрались с глуховскими, истомкинские с доможировцами и все между собой. Однажды в разгар таких вот драк и разборок к нашей школе после уроков пришла внушительная группа доможировцев с деревянными палками и топориками, поджидать истомкинских обидчиков, многие из которых учились в нашем классе. Наши ребята побоялись выходить из школы, так как перевес в силе был явно на стороне доможировцев. Александр Петрович узнав о нападении, вышел из школы и разогнал неприятелей. Ему хватило только выйти на крыльцо и пригрозить огромным кулаком метателя молота, чтобы доможировцы надолго позабыли дорогу в наш район. Эта история еще долго обсуждалась среди мальчишек в спортивной раздевалке. Интересно еще и то, что сам Александр Петрович Бобков и конечно его сын Сережка жили в Доможирово, но считались Истомкинцами по месту работы и учебы соответственно. Помню, Сережа часто из-за этого страдал, его частенько обзывали предателем свои доможировские хулиганы.

У девчонок физкультуру вела Заикина Нина Васильевна. Женщина старой, я бы даже сказал революционной закалки. Сильная, энергичная, бескомпромиссная. Иногда, когда Александр Петрович отсутствовал, с мальчишками занималась Нина Васильевна и тогда все выматывались, как никогда. Никаких поблажек, даже по болезни. Я помню, что она меня при всех пристыдила за неспособность бегать с нужной скоростью, хотя у меня была высокая температура. Я бежал, спотыкаясь, а в голове эхом отдавались упреки и смешки в мой адрес от Нины

Васильевны. На мое счастье, на урок пришла Диана Афанасьевна и, увидев мое состояние, за руку отвела меня в медпункт. Я уходил с урока, а вслед неслись гневные с усмешкой крики физрука: «Уходи и больше на мой урок не возвращайся, девчонка». Можете себе представить, как я вспоминал эту науку в первое время в советской армии. Не раз я сказал спасибо Нине Васильевне, которая хотела приготовить меня к будущим трудностям и лишениям, сделать из меня сильного мужчину, способного давать сдачи, если потребуется.

Я узнал Нину Васильевну поближе, когда по заданию Александра Петровича приехал вместе с товарищем к ней домой за гирями. 16-ти килограммовые гири надо было забрать у Заикиной и доставить в школу. Нина Васильевна встретила нас, как самых дорогих гостей. Мы пили редкий тогда необычный зеленый чай из пиал и слушали удивительные рассказы о жизни Нины Васильевны в Узбекистане, о спортивных традициях ее необычной семьи. С тех пор мы были друзьями. Я понял, что Нина Васильевна хотела для всех нас, своих учеников, только лучшего, хотела защитить нас, подготовить к трудностям взрослой жизни. Я недавно встретил ее в городе. Она постарела, но глаза по-прежнему блестят спортивным молодым огнем. Нина Васильевна не скрывала радости, когда я сказал, что продолжаю заниматься спортом во многом благодаря ее урокам. Конечно, я несколько лукавил, чтобы подбодрить старую учительницу, но в главном я не соврал: я и мои одноклассники, несколько поколений благодарных учеников помнят Нину Васильевну и Александра Петровича, тех, кто привил нам любовь к спорту.



Не так давно я зашел на интернет сайт школы №3. Мне захотелось освежить в памяти имена любимых учителей, узнать интересные факты из истории школы. Какого же было мое удивление, когда я не нашел на сайте никакой информации о «старых» временах, не увидел даже фамилий учителей, которые вырастили не одно поколение ногинчан. Жаль, что современное руководство школы не понимает, как велико значение преемственности поколений, как важно сохранить традиции школы, помнить имена учителей. Такая память необходима, чтобы почувствовать, наконец, себя человеком с большой буквы.

Дмитрий Маслов 13 апреля 2013 года.